

УДК 821.133.1"15"
ББК 83.3 (4Фра)511-8,3
DOI: 10.46726/Н.2020.3.9

Д. В. Самоговинский

**«МИР ЕЩЁ НЕ СОСТАРИЛСЯ, ПОДОЙДЯ К СВОЕМУ КОНЦУ»:
ПЕРСПЕКТИВА БУДУЩЕГО В ПОЭЗИИ ПЬЕРА ДЕ РОНСАРА
ДО И ПОСЛЕ 1562 ГОДА**

Историческое сознание Ронсара предполагало оптимистическое видение будущего. Это видение оказалось устойчивым к катастрофическим событиям Религиозных войн во Франции. Как до, так и после начала войн в 1562 г. Ронсар отвергал идею «старости мира», на которой было основана популярная апокалипсическая трактовка событий современной эпохи. Он настаивал, что бедствия и упадок нравов, связанные с религиозным конфликтом, не являются чем-то беспрецедентным, свидетельствующим о безнадёжности мира и скорой его гибели. Ход истории цикличен, за упадком и бедствиями должен следовать расцвет и умиротворение под эгидой выдающегося правителя. Вера Ронсара в позитивную динамику истории позволяла вынести «ужас перед историей», выполняла компенсаторную функцию.

Ключевые слова: Возрождение, историческое сознание, «золотой век», перспектива будущего, идея «старости мира», циклическая концепция истории.

D. V. Samotovinskij

**“THE WORLD HAS NOT GROWN OLD YET,
HAVING COME TO ITS END”: A PERSPECTIVE
OF THE FUTURE IN THE POETRY OF PIERRE DE RONSARD
BEFORE AND AFTER 1562**

Ronsard's historical consciousness included an optimistic vision of the future. This vision was resistant to the disastrous events of the Religious wars in France. Both before and after the beginning of the wars in 1562, Ronsard rejected the idea of “the world grown old”, on which the popular apocalyptic interpretation of the contemporaneity was based. He insisted that the disasters and moral decline of religious wars are not something unprecedented, testifying to the hopelessness of the world and its imminent destruction. The course of history is cyclical; decline and disasters must be followed by appeasement and prosperity under an eminent ruler. Ronsard's belief in the positive dynamics of history served a compensatory function, allowing him to endure the “horror of history”.

Key words: Renaissance, historical consciousness, “Golden age”, perspective of the future, idea of “the world grown old”, cyclic concept of history.

1562 г. разделил французскую историю на «до» и «после». Религиозные войны (1562—1598) с их насилием, социальным распадом и разорением стали испытанием для французского гуманизма. Специалист по французской ренессансной литературе Эдвин Дюваль подчёркивал, что «до 1562 г. поэзия Пьера Ронсара излучала крайнее доверие к будущему, основанное на убеждённости

в том, что история вступила в свою финальную, решающую стадию». Поэмы 1550-х гг., в которых Ронсар (1524—1585) приветствовал восстановление «нового Золотого века в правление Генриха II», построены «в соответствии с простой схемой возвращения к изначальной чистоте и совершенству после промежуточного периода порчи и хаоса». Все они пронизаны радостным ощущением настоящего и «ненарушаемыми, безграничными перспективами будущего» [8, p. 14]. «Эта наивная уверенность в перманентности Золотого века исчезла навсегда вместе с резнёй в Васси 1 марта 1562 г.». «Золотой век, только что восстановленный гуманизмом, возможно, уже снова непоправимо выродился в железный», — заключает исследователь, проанализировав «Рассуждения о бедствиях нашего времени» (1562) [ibid., p. 18].

Для начального периода творчества Ронсара, действительно, свойственны частые обращения к образу возрождающегося «золотого века». Особенно основательно тема представлена в панегирической и в то же время философской поэме «Гимн Справедливости» (1555), посвящённой Шарлю де Гизу, кардиналу Лотарингскому.

В поэме Ронсар демонстрирует оптимистическое видение истории. Он отвергает распространённые апокалипсические ожидания, согласно которым мир уже стар и не может стать лучше, но обречён на окончательную моральную деградацию и скорую гибель [7, p. 292—295]. Юпитер (верховное божество, отождествляемое с Богом христианства), вместо того, чтобы уничтожить мир за грехи людей огнём, внимлет голосу Милосердия, своей дочери, и желает помочь человеческому роду исправиться. Человек под воздействием божественной педагогики способен измениться к лучшему: «Добрые или злые, — обращается Милосердие к Юпитеру, — они все созданы в твою честь. / Если ты поступишь в их сердце, они захотят тебя услышать. / Ибо оно — не из камня, оно человеческое и податливое...» [17, p. 64]. Ронсар отодвигает светопреставление в неопределённо-далёкое будущее. «Мир, — пророчествует Фемида, — ещё не должен прийти к концу, / Воспламенённый твоим [Юпитер] огнём: должно, чтобы ещё в течение долгого времени / Многие будущие века прошли» (*Le Monde ne doit pas encore prendre fin, / Embrazé de ta flammee: il faut que maint espace / De maints siecles futurs aye devant eu place*). В поздней редакции поэмы: «Мир ещё не состарился, подойдя к своему концу, / Он полностью невредим и надлежит, чтобы в течение долгого времени / Многие будущие века прошли» (*Le Monde n'est encor envieilly par sa fin, / Il est du tout entier, & faut que mainte espace / De maints siecles futurs se roulent en leur place*) [ibid., p. 65].

Устами всё той же Фемиды Ронсар излагает пророчество, которое для поэта и читателя уже свершилось. В правление Генриха II этого «владыки других королей» [ibidem], «любимого людьми, богами и всей Францией», в королевство вернётся «золотой век», когда-то царивший на земле под эгидой Справедливости, дочери самого Юпитера. Сама Справедливость со своими божественными сёстрами вновь спустится на землю, «чтобы реформировать порочные дела людей» [ibid., p. 66], но в обличье не короля, а Шарля де Гиза. Роль короля сводится к тому, что он будет «целовать» этого вельможу-прелата, «какового Честь, Добродетель, Учёность и Приятность не будет иметь себе равных среди людей, и его благость будет сиять словно Солнце» [ibid., p. 65].

Комментируя «Гимн Справедливости», исследователь Жан Фраппье отмечал, что Ронсар, представляя кардинала словно некоего Мессию, воплощение Христа, опускается в своей лести до религиозного нечестия и дурного

вкуса [9, р. 271—272]. Однако, оговаривается: то, что шокирует нас сегодня, не шокировало современников поэта и, видимо, укладывалось в рамки расхожих представлений той эпохи, согласно которым не только папа, но и прелаты могли рассматриваться как «викарии» Всевышнего на земле [ibid., р. 272]. Заметим, что Ронсар прочил Шарлю папскую тиару: «...Небо уготовало вам / По праву тройную диадему (Un triple diademe) на голову, / Чтобы сделать вас верховным пастырем над всеми» [15, р. 326].

Очевидно, что распределение функций между королём и его вельможей осмысливаются в соответствии с платонической идеей о необходимости сочетания «мудрости» и «власти» для достижения человечеством благого состояния¹. Однако Ронсар, видимо, не рассматривал Генриха II как правителя, в котором бы воплощались оба начала, зато был очарован душой Шарля де Гиза, считавшегося первым вельможей при короле, имеющем на него сильное влияние. Таким воплощением «мудрости», перед которой в буквальном смысле слова склоняется «власть», изображён кардинал. Фемида заканчивает своё пророчество, передавая речь Шарля де Гиза, произнесённую им во время коронации Генриха II (Реймс, 1547). Главное послание кардинала состояло в том, что монарх должен покончить с войнами и править с помощью Справедливости и Закона [17, р. 67]. «Так ты говорил, прелат, и король, чуть склонив свою голову, соглашался с твоей просьбой: и тогда во Францию вернулся золотой век...» [ibid., р. 71]. «Власть», склонившаяся перед «мудростью», означала союз обоих начал и рождение «золотого века».

Провозглашение начала «золотого века» под эгидой Шарля Лотарингского не помешало Ронсару в том же году «пророчить» «золотой век» и мировую монархию дофину Франциску, а в будущем королю Франции Франциску II. Ему суждено стать повелителем всей Европы, а его братьям, Карлу и Генриху, над которыми он будет господствовать, — Азию и Африку. Франциск вернёт в Европу «золотой век»: «Ты станешь равным богам. / В твоё правление и в твоей стране / Расцветёт мир, и с небес / Вернётся прекрасная Астрея» (Tu feras egal aux Dieux / Ton règne, et par ta contrée / Fleurir la Paix, et des sieux / Revenir la belle Astrée) [16, р. 55]. В оде, посвящённой герцогу Орлеанскому, будущему Карлу IX, Ронсар так же пророчит великое будущее трем сыновьям Генриха II. Им суждено Богом получить под свою власть три части мира. Старший, Франциск, «будет править своей Европой». Самый младший, Генрих, будет царём Африки [ibid., р. 61]. Карл же — царём Азии. Он победит азиатских (мусульманских) правителей [ibid., р. 60, 61—62], сокрушит их идолов, храмы и заставит азиатские народы познать истинный закон Христа [ibid., р. 64—65]. «Пророчество» Ронсара сконструировано, согласно традиционному представлению о разделении земли между тремя сыновьями Ноя. Тема «золотого века» сливается с идеей грядущей мировой монархии под властью французских королей.

Идея мировой монархии, кажущаяся сегодня лишённой какой-либо почвы в реальности, была реальна для современников Ронсара. Священная Римская империя во главе с германскими императорами рассматривалась как «мировая» по своему провиденциальному предназначению, по своим притязаниям и потенциалу. При императоре Карле V (1519—1556) идея Священной Римской империи в Германии была популярна как никогда пользовалась

¹ Платон сформулировал эту идею в диалоге «Государство» (V 473d) [2, с. 298]. Идея была унаследована Ренессансом благодаря Марсилио Фичино [1, с. 387].

она поддержкой и в Италии [20]. Французские короли с XIV в. не оставляли надежд на императорский трон и на установление французской мировой гегемонии [21]. Около 1523 г. Жан Тено (ок. 1480—1542), королевский духовник, поэт и публицист, пророчил Франциску I титул «императора Священной галликанской монархии» (*empereur de la sacrée monarchie Gallicane*) (Цит. по: [11, р. 324]). В 1547 г. Жан де Ла Э, камердинер Маргариты Наваррской, предрёк, что Франциск I, король, заставивший «расцвести музы во Франции», «истинный щит всей Европы и христианского народа» от турок, станет «властителем, который будет править обоими полушариями» [10, р. 10—11]. Но самый грандиозный проект мировой французской монархии принадлежит известному мистика, каббалисту и ориенталисту Гийому Постелю (1510—1581). Вдохновляясь традицией иоахимизма, он верил, что настало время, когда усилиями божественных посланников — «ангелического папы» и короля Франции — иудеи, мусульмане, язычники (в том числе и Нового света) будут обращены в христианскую веру и на всей земле будет учреждена единая христианская монархия, установлены мир и согласие, Царство Божье на земле [12; 5]. Роль будущего мирового монарха он поочерёдно отводил Франциску I, Генриху II, Франциску II и Карлу IX [12, р. 54—55]. Таким образом, национально-династические притязания сочетались с надеждами на то, что Христианский мир, погрязший в междоусобиях и столкнувшийся с беспрецедентной угрозой турецкого завоевания, может быть спасён только под эгидой единого монарха.

Видение Ронсаром настоящего и будущего складывается из отдельных персонифицированных перспектив восстановления «золотого века» и учреждения мировой империи под властью французских королей. Можно ли вообще говорить о том, что в этих поэмах Ронсар выразил некое историческое видение? Не является ли их содержание поэтической условностью, выражением банальной лестии? Думается, что безмерное возвеличивание монарха всё же не было «лестью» в нашем понимании. Не было ничего необычного в эпоху Возрождения в том, чтобы увидеть в монархе, вельможе, полководце, в любой выдающейся личности, которая уже как-то проявила себя или ещё вообще не проявила, некое воплощение «земного Бога» [1, с. 332; 3, с. 132], способного на великие дела и преобразование мира. Эта безмерная хвала относилась к персоне *лишь в той мере*, в какой она являла собой божественное начало. Как полагает В. Рис, рассматривая похвалы правителям в творчестве Марсилио Фичино, именно этому началу, воплощавшемуся в конкретной персоне, и была адресована хвала. И хвала эта не могла быть чрезмерной [13, р. 50—65]. Не похвала должна была соответствовать персоне, а персона похвале. Персоне правителя задавалась некая мерка, которой он должен был соответствовать. Долг поэта состоял в том, чтобы восхвалять, правителя — соответствовать похвале. Поэт не оставался в проигрыше, даже если восхваляемый правитель не выдерживал сравнения с образцом.

Отсюда следует, что для Ронсара его «пророчества» вовсе не были обязаны исполняться в отношении конкретной персоны. Малолетний инфант или умудрённый прелат могли быть воплощением божественного начала и теми, кто породит великий плод, но могли и не быть. Ронсар лишь верил, что под влиянием некой выдающейся персоны история обретёт положительную динамику. Похвала конкретной персоне рисовала не истинный образ будущего, но желательный, возможный. Рисуя этот образ, похвала выступала в качестве

некого «продуктивного правдоподобия», ориентирующего конкретное лицо на исполнение великой миссии.

Во что Ронсар верил безоговорочно, так это в то, что сегодня мир, хотя и переживает не лучшие времена, не находится в состоянии крайней и необратимой деградации. Из этого следовало, что позитивная динамика в истории возможна.

Э. Дюваль полагал, что до 1562 г. Ронсару была присуща «наивная уверенность в перманентности Золотого века» [8, р. 14]. Воспевая «золотой век» настоящего или грядущего, поэт, действительно, не касался темы его окончания. Собственно, риторика «золотого века» не предполагала этой темы. Но если попытаться заглянуть за покров риторики и понять, как Ронсар мыслит перспективу будущего, то можно с уверенностью заключить: положительная динамика в истории мыслилась Ронсаром как обратимая. Поэт верил в популярную циклическую концепцию времени, распространявшуюся как на природу, так и на историю. В 1557 г. он обращался к своему другу: «Полагаешь ли ты, мой Обер, что Французская империя / Милее Небу, чем империя мидян, / Чем империя римлян, чем империя греков, / Которые от своего величия пришли к упадку? // Наша империя погибнет, подражая непостоянству / Всех рождённых вещей, и погибнут однажды / Наши стихи, наши писания, будь они латинские или французские, / Ибо ничто человеческое не может противиться смерти» [16, р. 310]. Позитивная динамика истории предполагала обратимость. История человечества представлялась как череда расцветов и упадков государств и цивилизаций.

Как изменилось историческое видение Ронсара после начала Религиозных войн? Конечно, о «золотом веке» в настоящем не могло быть и речи. В своих «Рассуждениях о бедствиях этого времени», написанных в 1562 г., в разгар первой Религиозной войны, Ронсар описывает современность как эпоху бедствий, хаоса, морального упадка, как «перевернутый мир» (*le monde renversé*) [14, р. 71].

Однако в самом начале поэмы Ронсар считает нужным оговориться. Мир не находится в состоянии крайней деградации и на пороге гибели: «Если бы с того времени, как мир взял начало / Порок из века в век возрастал, / То крайняя злоба давно бы уже / Одолела мир и всё стало бы пороком. / Но поскольку мы видим повсюду людей, / Одни из которых живут добродетельно, а другие — порочно, / Нам следует признать, что безобразный порок / Не одержал верх, но таков же, / Как в тот день [грехопадения], когда человек был облачен, / Словно в одеяния, в порок и добродетель. // Но и добродетель также не возросла: / Ибо, если бы она возрастала, её мощь возвысилась бы / До крайней степени и все было бы исполнено / Добродетелью и совершенством, что не так. // Как угодно нравам, государям, веку / Иной раз исполняться добродетелью, / А иной раз — пороком, и одно из них, возрастая, / Снижает влияние своего собрата, затем сам слабеет, дабы его мощь / Не возросла в этом мире абсолютно. // Так угодно упражнять нас Богу, / Который поместил человека обитать между добром и злом, / Словно мореплавателя, который держит свой путь / То в спокойном море, то в бурном» [ibid., р. 61—62].

Таким образом, человеческая природа со времён грехопадения не ухудшилась (но, конечно, и не улучшилась), а поэтому, современность, какой бы ужасной она не казалась, не является историческим апофеозом зла и признаком скорого светопреставления. Ронсар в очередной раз оспаривает идею «старости мира», на которой было основана апокалипсическая трактовка

истории и современной эпохи. Бедствия и упадок нравов, которые видят современники, не являются чем-то беспрецедентным, свидетельствующем о безнадежности мира и скорой его гибели. Ход истории цикличен, за упадком и бедствиями должен следовать расцвет и спокойствие: положительная динамика в истории по-прежнему мыслиться как возможная.

Известный оптимизм могло породить окончание первой войны в марте 1563 г. Екатерина Медичи, Мишель де Лопиталь всё ещё надеялись установить в королевстве прочный мир [5]. В феврале или марте 1564 г., Ронсар создаёт свою «Пастораль» (*Bergerie*), предназначенную для постановки во время придворных торжеств, имевших, в том числе, миротворческий смысл. Главные действующие лица произведения, четыре юных пастушка и пастушка, представляют собой будущую элиту Франции, людей, которым предстоит определять судьбу королевства. Орлеантен — герцог Орлеанский, брат короля, будущий король Франции Генрих III (1574—1589). Ангело — принц Франсуа, герцог Анжуйский, самый младший из братьев короля, который так и не взойдёт на престол. Марго — принцесса Маргарита, сестра короля, станет женой Генриха Наваррского. В числе действующих лиц также Наварен — Генрих Наваррский, в будущем король Франции Генрих IV (1589—1610), и Гизен — герцог Генрих де Гиз, который стал главой династии Гизов после гибели своего знаменитого отца Франсуа де Гиза от рук гугенотов в 1563 г.

Все юные принцы крови, сестра короля, Генрих Наваррский, которому суждено будет стать лидером гугенотов, Генрих Гиз, который возглавит непримиримых католиков, демонстрируют полное согласие, оплакивая беды религиозного конфликта и мечтая о мире и гармонии под властью Карлена — нынешнего короля Франции Карла IX. Более того, Гизен пророчит Карлену великое будущее. Достигнув зрелости, он станет «владыкой и господином великих королей» [18, р. 107], на земле воцарится мир, покой и изобилие, все бесчинства и насилия «железного века» уйдут: «Если кратко, то всё изменится, и мир деформированный пороками дня сегодняшнего, при тебе примет новую форму» [*ibid.*, р. 108].

Как и прежде, тема грядущего «золотого века» связана у Ронсара с идеей французской мировой гегемонии. Ещё более явственно это прослеживается в двух поэмах 1565 г., посвящённых королю. Ронсар изображает Карла как правителя, которому суждено покорить и обратить в христианство неверных [*ibid.*, р. 134—137] и стать «добрым Августом», правя «не как король, но как отец» [*ibid.*, р. 140].

Кончина Карла IX не положила конец упованиям на «золотой век» и мировую монархию под властью Валуа. В своём сонете, опубликованном впервые в 1578 г. и посвящённом Генриху III, Ронсар с позиции пророка обещает королю власть над всем миром, в том числе над Новым светом. «Европа — слишком мала, и Африка и Азия / Для тебя, который увидит себя царём всего мира: / Поэтому Небо недавно заставило родиться для тебя / Посреди моря новую Америку // Чтобы вся огромная Земля стала Галльской империей, / И чтобы весь мир повиновался твоему Закону» [19, р. 337]. Ронсар изображает положительную динамику истории, содержание которой определялось традиционными амбициями французской короны, конкурировавшей с германскими императорами за *dominium mundi*.

Установление мировой «Галльской империи» неразрывно в сознании Ронсара с установлением «золотого века»: «Когда ты станешь единственным Владыкой всего мира, / Ты закроешь врата Храма Войны. / Мир и добродетели

расцветут в мире: / Юпитер и Генрих разделят Вселенную, / Один — император Неба, другой — Земли» [ibid., p. 337—338].

Ронсар словно бы примеряет роль мирового монарха-философа, «земного Бога» на очередного короля. Положительная динамика в истории для него по-прежнему возможна. И не важно, были ли к тому реальные предпосылки. Достаточно было убеждения в том, что мир не «состарился» и не «одряхлел», в нём по-прежнему возможны выдающиеся своими добродетелями личности. Это значило, «золотой век» мог наступить как некое чудо, благодаря мудрому, добродетельному правителю. Именно поэтому позитивная динамика в истории продолжала мыслиться Ронсаром как возможная, несмотря на катастрофу Религиозных войн. Более того, можно предположить, что именно ощущение катастрофы питало веру в будущее, которая позволяла вынести «ужас перед историей», выполняла компенсаторную функцию.

Однако у этой веры был предел, который хорошо демонстрирует творчество соратника Ронсара по перу, члена «Плеяды», придворного поэта Жана-Антуана де Баифа (1532—1539). Незадолго до того, как Ронсар пророчил Империю Генриху III, Баиф, оплакивая бедствия века, хаос, насилие, упадок нравов и искусств, риторически вопрошал: «Боже, неужели наскучило тебе твоё творение? / Желаешь ли ты воздвигнуть новый век, / Разрушив наше извращённое время?» [6, p. 106]. «Кто, согласно мнению мудрецов, / Исполнив благие пророчества, / Учредит святые законы, / Утвердит добрый гражданский порядок?» [ibid., p. 239]. Перспектива позитивной динамики истории у Баифа рушится. Компенсаторную функцию перенимает идея конца света и наступления Царства Божьего, которое «не от этого извращённого мира» [ibid., p. 66]: «Мир, на этом свете — не более, чем слово. / Его следует искать лишь на небесах» [ibid., p. 253].

Список литературы

1. Кудрявцев О. Ф. Флорентийская Платоновская академия: Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии / отв. ред. Л. М. Брагина. М.: ЛУМ, 2018. 541 с.
2. Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. 752 с.
3. Ревякина Н. В. Человек в гуманизме итальянского Возрождения. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2000. 322 с.
4. Самотовинский Д. В. Открытие Нового Света, триумф книгопечатания и артиллерии, возрождение античного наследия в историко-эсхатологическом сценарии Гийома Постеля // Вестник Новосибирского государственного университета. 2015. Т. 14, вып. 8. С. 29—38.
5. Самотовинский Д. В. Vitia uxoris aut sunt tollenda, aut toleranda: веротерпимость в политике Мишеля де Лопиталья (1560—1563 гг.) // CURSOR MUNDI: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2018. Т. 10. С. 172—194.
6. Baif J.-A. de. Mimes, Enseignements et Proverbes / Éd. par J. Vignes. Genève: Droz, 1992. 461 p.
7. Delumeau J. La peur en Occident, XVIe—XVIIIe siècles: une cité assiégée. Paris: Le livre de poche, 1980. 607 p.
8. Duval E. The Place of the Present: Ronsard, Aubigné, and the Misères de ce temps // Yale French Studies. 1991. Vol. 80. P. 13—29.
9. Frappier J. Histoire, mythes et symboles: études de littérature française. Genève: Droz, 1976. 298 p.

10. *La Haye J. de*. A tresillustre et treschrestienne princesse Madame la princesse de Navarre // Marguerite d'Angoulême. Les Marguerites de la Marguerite des princesses: texte de l'édition de 1547 / ed. par F. Franc. Paris: Librairie des bibliophiles, 1873. T. 1. P. 3—11.
11. *Maulde-La-Clavière R. de*. Louis de Savoie et François Ier, trente ans de jeunesse (1485—1515). Paris: Perrin et Cie, 1895. 428 p.
12. *Petry Y.* Gender, Kabbalah, and the Reformation: The mystical theology of Guillaume Postel, 1510—1581. Leiden: Brill, 2004. 191 p.
13. *Rees V.* Quo vertam oculos utte laudem: Aspects of praise in Ficino's writing // *Laus Platonici Philosophi: Marsilio Ficino and His Influence* / Ed. by S. Clucas, P. J. Forshaw, V. Rees. Leiden; Boston: Brill, 2011. P. 45—66.
14. *Ronsard P. de*. Discours des misères de ce temps. Genève: Droz, 1979. 287 p.
15. *Ronsard P. de*. Oeuvres complètes: t. V / Éd. par P. Blancemain. Paris: A. Franck, 1866. 380 p.
16. *Ronsard P. de*. Oeuvres complètes: t. VII / Éd. critique, avec introd. et commentaire par P. Laumonier. Paris: Droz, 1934. 349 p.
17. *Ronsard P. de*. Oeuvres complètes: t. VIII / Éd. critique, avec introd. et commentaire par P. Laumonier. Paris: Droz, 1935. 416 p.
18. *Ronsard P. de*. Oeuvres complètes: t. XIII / Éd. critique, avec introd. et commentaire par P. Laumonier. Paris: M. Didier, 1948. 284 p.
19. *Ronsard P. de*. Oeuvres complètes: t. XVII (première partie) / Éd. critique, avec introd. et commentaire par P. Laumonier. Paris: M. Didier, 1959. 444 p.
20. *Yates F. A.* Charles V and the Idea of the Empire // *Yates F. A. Selected Works*. Vol. V: *Astraea: The imperial theme in the sixteenth century*. London; New York: Taylor & Francis, 1999. P. 1—28.
21. *Zeller G.* Les rois de France candidats à l'Empire: essai sur l'idéologie impériale en France // *Revue Historique*. 1934. T. 173. Fasc. 2. P. 273—311.